

ЛЮДМИЛА МНИХ

(Донецк)

**ВЛАСТЬ И СУДЬБА В СИМВОЛИКЕ ЧИСЕЛ
АННЫ АХМАТОВОЙ**

И встретить я была готова
Моей судьбы девятый вал
Анна Ахматова

Числовые символы представляют собой одну из самых древних форм „символизации” человеком окружающего мира, и придание миру посредством такой символизации, с одной стороны, гармонии и цикличности, а с другой стороны, смысла. Отсюда становится понятным пристальное внимание исследователей к символике чисел в культуре и, соответственно, к текстам, репрезентирующим данную культуру¹.

В русской поэзии XX века наблюдается двоякого рода внимание к числовой символике. Это, во-первых, обращение к символике традиционных и ключевых для европейской культуры чисел (один, три, четыре, семь, девять, двенадцать); а во-вторых, обращение к образу числа как такового, когда перед читателем предстает абстрактный символ (число или числа вообще), и идея гармонии мира и смысла в таком символе имеет явно античную (пифагорейскую) традицию. Второй аспект ярко проявился в поэзии символистов (см. стихотворения *Халдейский настух* В. Брюсова), в стихах В. Хлебникова (*Числа*), М. Волошина; к этой традиции следует отнести и хрестоматийный образ числа в стихотворении Н. Гумилева *Слово*:

¹ Интересна в этом плане монография: С. Butler, *Number Symbolism. Ideas and Forms in English Literature*, London 1970. Об идейно-эстетическом многообразии числовых символов см. словарные статьи *Числа (Liczy)* в: *Мифы народов мира: Энциклопедия в 2-х томах*, т. 2, Москва 1992, автор статьи – В. Н. Топоров; D. Forstner, *Świat symboliki chrześcijańskiej*, Warszawa 1990; W. Kopaliński, *Słownik symboli*, Warszawa 1990; M. Lurker, *Słownik obrazów i symboli biblijnych*, Poznań 1989.

Потому что все оттенки смысла
Умное число передает².

Отмечу, что символика конкретных чисел может быть интерпретирована в ключе разных традиций: ведь такие числа, как „один“, „три“, „четыре“, „семь“, „двенадцать“ являются основополагающими символами во многих культурах. Отсюда понятно, что только та интерпретация, которая учитывает возможные и явные поэтические контексты символа, может претендовать на открытие истинного идейно-художественного смысла числового символа³.

В русской культуре XX века числовая символика проявилась в русле нескольких традиций:

- 1) христианская (А. Блок, А. Белый),
- 2) античная (В. Брюсов, И. Анненский),
- 3) фольклорно-языческая (С. Есенин, М. Цветаева, В. Маяковский),
- 4) иудейская, частично каббалистическая (О. Мандельштам, Б. Пастернак),
- 5) восточная (отдельные стихи Н. Гумилева, К. Бальмонта).

Добавлю, что контекст отдельного стихотворения, и – особенно – контекст всего творчества поэта позволяет говорить о „совмещении“ нескольких традиций в символике чисел. При этом чаще всего в русской поэзии совмещается христианская и фольклорно-языческая традиции в аспекте числовой символики⁴.

В данном сообщении я остановлюсь на некоторых идейно-художественных смыслах числовой символики в поэзии Анны Ахматовой, которые непосредственно связаны с проблемой творческой судьбы и государственной власти.

Исследователи творчества А. Ахматовой отмечают ее сознательную ориентацию на числовую символику, при этом чаще всего констатируется связь чисел в поэзии Ахматовой с проблемой времени⁵. Думаю, однако,

² Цит. по: *Русская поэзия начала XX века*, Москва 1988, с. 169.

³ Попутно отмечу, что одно и то же число в разных культурах и в разных культурных традициях может иметь кардинально противоположный смысл. Так, в христианской традиции „шесть“ – это апокалиптическое число зверя-Антихриста, а в китайской традиции – это священное судьбоносное число, которое символизирует гармонию мира, что видно в классическом памятнике китайской литературы и философии – Джоуской книге перемен.

⁴ Подробно о разных культурных традициях числовой символики в русской поэзии, в равной мере как и о разных уровнях целостности художественного произведения, на которых соответственно проявляется символика чисел (композиционный, образный и пространственно-временной) см. в моей статье *Числовая символика в русской поэзии XX века* (в печати).

⁵ См., например, статью В. Н. Топорова о менологии и нумерологии в поэтике Анны Ахматовой в сб. *Анна Ахматова и русская культура начала XX века* (Москва 1989).

что в художественном мире А. Ахматовой глубинные смыслы числовой символики гораздо богаче временных ориентаций.

Наверное, самое решительное поэтическое кредо, представляющее сознательную ориентацию Анны Ахматовой на символику чисел, заявлено в четверостишии, которое открывает цикл *Северных элегий*:

Их будет семь – я так решила,
 Пора испытывать судьбу.
 И первая уж совершила
 Свой путь к позорному столбу⁶.

Связь числа семь с судьбой поэта видится в контексте творчества и биографии А. Ахматовой неоднозначной. Цикл *Северные элегии* полностью не мог быть напечатанным при жизни Ахматовой, „Седьмая” элегия представляла собой прямую инвективу тоталитарному режиму. В таком контексте судьба Ахматовой предстала как судьба поэта противопоставившего себя тому обществу, которое травило его, „как убитого зверя” (см. стихотворение *Вы меня, как убитого зверя*). Вместе с тем, символика числа семь как числа сакрального (библейского) позволяет интерпретировать судьбу поэта в концепции Ахматовой как судьбу священную. „Семь” является не просто испытанием судьбы, но и подтверждением сопричастности к священной истории. Отмечу попутно, что в христианской традиции число семь приобрело не только узко сакральную, но и экзистенциально-историческую символику. Вспомним, что Августин Блаженный определил семь периодов мировой истории, при этом седьмой период он связывал с будущим концом света⁷.

С другой стороны, „семь” – это клятвенное число, на что очень точно указывает контекст Библии:

Авимелех же сказал Аврааму: на что здесь сии семь агниц, которых ты поставил особо? Он сказал: семь агниц сих возьми от руки моей, чтоб они были мне свидетельством, что я выкопал этот колодезь (Бытие 21, 29–30).

Ахматова, конечно же, прекрасно ориентировалась в библейской символике, и сакральное число семь присутствует, скажем, в стихотворении *Рахиль* из ее цикла *Библейские стихи*. Эпиграф из Библии: „И служил Иаков за Рахиль семь лет”, а в тексте:

И он согласился за деву служить
 Семь лет пастухом у Лавана.
 Рахиль! Для того, кто во власти твоей,
 Семь лет – словно семь ослепительных дней.

⁶ Здесь и далее тексты А. Ахматовой цитирую по изданию: А. Ахматова, *Сочинения в 2-х томах*, т. 1, Москва 1991.

⁷ См. об этом: В. Бычков, *Эстетика Августина Блаженного*, Москва 1989.

В композиции цикла *Северных элегий* (цикл состоит из семи стихотворений) число семь значимо также и как некая космически-универсальная константа. В течение семи дней Бог создавал мир, и Ахматова как бы повторяет этот сакральный акт. Отмечу, что в первой элегии (*Предыстория*) встречаются и прямые аллюзии на начало Книги Бытия, повествующее о сотворении мира:

Страну знобит, а омский каторжанин
 Все понял и на всем поставил крест.
 Вот он сейчас перемешает все
 И сам над **первозданным беспорядком**,
 Как некий дух, **взнесется**.

„Первозданный беспорядок” и взнесенный (витающий) над ним дух явно напоминают акт творения Вселенной из Библии:

В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною; и Дух Божий носился над водою (Бытие I, 1–2).

Но в отличие от мира, сотворенного Богом, который „хорош”, мир, представленный Ахматовой в *Северных элегиях*, трагически-ужасный. Этот ужас усиливается лейтмотивом страха, образом „суровой эпохи”, которая, „как реку”, повернула поэта, и особенно картиной тоталитарного режима в седьмой элегии. Аналогичная „страшная” символика семерки проявилась и в другом стихотворении Ахматовой, тоже ориентированном на библейские образы („горящий куст” – символ Бога при встрече с Моисеем):

Но память о тебе, как тот горящий куст,
 Все **страшные семь лет** мне путь мой освещает.

Отмечу, что число семь является и апокалиптическим числом:

И увидел я иное знамение на небе, великое и чудное – **семь Ангелов**, имеющих **семь последних язв**, которыми оканчивалась ярость Божия (Апокалипсис 15, 1),

И услышал я из храма громкий голос, говорящий **семи Ангелам**: идите и вылейте **семь чаш гнева Божия** на землю (Апокалипсис 16, 1).

В приведенных библейских цитатах число семь является символом апокалиптического конца мира, времени „гнева Божия”. А изображенное в *Северных элегиях* время – это тоже апокалипсис. В поэзии Ахматовой апокалиптические мотивы усилились в *Реквиеме* (см. семантику заглавия цикла – реквием), но если *Реквием* представлял апокалипсис одной страны с ее тоталитарным режимом, то *Северные элегии* – это произведение о трагической судьбе мировой истории в XX веке.

Таким образом, символика числа семь в *Северных элегиях* открывает апокалиптическую перспективу и личной судьбы Ахматовой и государственной власти в сакральном измерении. Кстати, в иных семантических измерениях числовая символика семерки проявилась в ряде других стихотворений Ахматовой, в циклах *Семь стихотворений*, *Седьмая книга*.

В поэтике Анны Ахматовой заметно и традиционное обращение к глубинной символике чисел три и четыре. Символика тройки в стихах Ахматовой ориентирована в основном на христианские и фольклорные традиции. Один из самых устойчивых сюжетобразующих мотивов руссково фольклора – „тройку” встречаем и у Ахматовой:

а) „Три раза пытаться приходила” [Муза – Л. М.];

б) „Первый признак – странное веселье [...]”

Только третий – самый настоящий” и т. п.

Но чаще всего символика тройки у Ахматовой отражает сакрально-христианскую традицию, и судьба лирической героини, таким образом, „высвечивается” в аспекте смыслов и семантики христианского учения о Троице и христианской символики числа „три”:

а) „Ангел, три года хранивший меня...”

б) „Есть три эпохи у воспоминаний...” и т. п.

Исследователи отмечают принципиальную разницу в символике чисел „три” и „четыре”, которая состоит в том, что, как правило, четыре является символом статической целостности, в то время как три – символ динамической целостности⁸; семантически поэтому тройка связана со временем, а четверка с пространством (четыре стороны света). Ориентации на подобную традицию числовой символики мы встречаем у Ахматовой, при этом числа символизируют прежде всего трагичность судьбы лирической героини. Так, в стихотворении *По неделе ни слова ни с кем не скажу* символ „четырех примет страны” как бы „раскалывается” на две части („три” плюс „один”):

И назвал мне четыре приметы страны,

Где мы встретиться снова должны:

Море, круглая бухта, высокий маяк,

И всего неперменной – польнь...

И как жизнь началась, пусть и кончится так.

Я сказала, что знаю: аминь!

⁸ См. статью Числа В. Н. Топорова во втором томе *Мифов народов мира*.

Четыре приметы, предвестники будущей судьбы лирической героини, должны вроде бы отражать что-то стабильное, законченное, конкретное (как традиционная точка пересечения четырех сторон света), но эти приметы разделены, и даже „хронологически” они совершенно разные: „море, круглая бухта, высокий маяк” – это достаточно конкретное описание места, в то время как полынь, с одной стороны невозможна в этом „морском” месте, а с другой – именно она, **четвертая примета**, является основным символом горькой судьбы героини стихотворения.

Особую роль в поэтике Анны Ахматовой играет роковое число „тринадцать”:

Вы меня, как убитого зверя,
 На кровавый подымете крюк,
 Чтоб, хихикая и не веря,
 Иноземцы бродили вокруг
 И писали в почтенных газетах,
 Что мой дар несравненно угас,
 Что была я поэтом в поэтах,
 Но мой пробил тринадцатый час
 Что нам разлука? – Лихая забава,
 Беды скучают без нас.
 Спяну ли ввалится в горницу слава,
 Бьет ли тринадцатый час?

Свое время Ахматова изображает как проклятое время – „тринадцатый час” (ср. фольклорную интерпретацию тринадцати как **чертовой дюжины**), это роковой запредел, после которого („пробил тринадцатый час”) наступает конец судьбы и конец мира. На другом полюсе символики тринадцати – культурный контекст 1913 года. Тоже рубеж, собственно тот порог, за которым начались катаклизмы. Отмеченный мотив очень часто посещает память поэта: „красавица тринадцатого года” (стихотворение *Тень*), „голос из тринадцатого года” в стихотворении *Опять приходит полонез Шопена*, стихотворение *Тринадцать строчек, Петербург в 1913 году*, наконец, – это один из центральных мотивов *Поэмы без героя*. Трагедия, произошедшая в 1913 году, как бы возвращается в судьбу Ахматовой, а бедствия советской эпохи постоянно напоминают о ней, и „тринадцатый год” превращается в личной судьбе Ахматовой в „тринадцатый час”.

Вот, на мой взгляд, основные аспекты заявленной мной темы. Ахматова жила в страшную эпоху истории своей страны, и то, что совершалось в социалистическом тоталитарном обществе стало частью ее личной судьбы. Поэтому в числовой символике Анны Ахматовой отразилась трагедия власти сквозь призму ее личной жизни.

Ludmila Mnich

WŁADZA I LOS W SYMBOLICE LICZB ANNY ACHMATOWEJ

Niniejsze opracowanie przybliża problem symboliki liczb w języku poetyckim A. Achmatowej. W kontekście losu poetki szczególnego znaczenia nabierają w jej twórczości liczby 3, 4, 7, 13. Ich symbolikę determinują w znacznej mierze tradycje chrześcijańskie, ludyczne oraz tragiczne osobiste doświadczenia Achmatowej i pokolenia, do którego należała.

PROBLEMATYKA PRZEKŁADU TITÓWÓW IASNI
 IZ KAZHDOJ IZ NICH
 NA IZNY IZNI

Choć niekiedy uważano, że poeci XX wieku nie mają już tradycji, to jednak w 1997 r. Józef Winiarski w swoim artykule „Tradycja i tradycjonalizm w literaturze polskiej” przytoczył listy do „Dziennika” pod tytułem „Czy tradycja jest jeszcze żywa?” i „Czy tradycja jest jeszcze żywa?” w artykule A. Winiarskiego „Czy tradycja jest jeszcze żywa?” z 1997 r. w tym kontekście można powiedzieć, że tradycja jest żywa.

W tym kontekście można powiedzieć, że tradycja jest żywa i że tradycja jest żywa.

Na podstawie tych danych można powiedzieć, że tradycja jest żywa i że tradycja jest żywa.

W tym kontekście można powiedzieć, że tradycja jest żywa i że tradycja jest żywa.

1. Winiarski Józef. „Tradycja i tradycjonalizm w literaturze polskiej”. *Prace Instytutu Literatury*, t. 10, s. 1-10.

2. Winiarski Józef. „Czy tradycja jest jeszcze żywa?”. *Dziennik*, 1997, 12.01.1997, s. 1.

3. Winiarski Józef. „Czy tradycja jest jeszcze żywa?”. *Dziennik*, 1997, 12.01.1997, s. 1.

4. Winiarski Józef. „Czy tradycja jest jeszcze żywa?”. *Dziennik*, 1997, 12.01.1997, s. 1.